

В.Лещенко

РОССИЯ, которая могла быть

Исторические
альтернативы
с X по XX в.

Владимир Лещенко

Россия, которая могла быть

«Автор»

2019

Лещенко В. В.

Россия, которая могла быть / В. В. Лещенко — «Автор», 2019

От князя Владимира до 90-х годов XX века – разве не могла история России сложиться иначе? Почему же нет? Могла ли Тверь, а не Москва стать центром объединения русских земель? Могли ли монгольские ханы стать православными владыками над Русью – “Ордусью”? Могли ли в XVIII веке вместо цариц править цари? Мог ли Ельцин стать во главе СССР? И какой была бы Россия и мир в результате подобных изменений? Для широкого круга читателей.

© Лещенко В. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая	5
Русь Изначальная Католическая	5
Русь и мир в отсутствие Тэмуджина	14
Великая Моголия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Лещенко

Россия, которая могла быть

Часть первая

Средние и не очень века

Русь Изначальная Католическая

В отечественном сознании прочно укоренилось, мягко говоря, подозрительное отношение к католицизму.

Причин тому немало – от многовековой вражды с Польшей, воспринимавшейся не иначе как форпост желающего уничтожения православия «латинства», до еще недавнего идеологического противостояния, в котором Ватикан занимал вполне определенную позицию.

Весьма распространено мнение, что будто бы католическая церковь стремилась превратить «...русский, украинский, белорусский народы... в своих данников, в источник доходов, в своих рабов...» (96,94)

Можно встретить даже утверждения, что католицизм долгое время якобы стоял во главе экспансии Запада издревле стремившегося-де уничтожить, стереть с лица Земли русский народ, и шире – славянство, «превратить нас в бесправных рабов западной цивилизации, забывших даже свой язык».(6,81)

Автор, вовсе не выступает апологетом католицизма, как к примеру, А. Янов, или А. Бушков. Но, по его мнению, западное христианство вовсе не есть нечто ужасное.

Вопрос правда, еще и в том – мог ли реально осуществиться такой сценарий, когда киевские князья приняли бы крещение не от Константинополя, а от Рима?

Такое не только более чем возможно, но не исключено даже, что именно так оно и случилось в реальности!

Надо, для начала, упомянуть, что и ранняя эпоха христианства на Руси не может не вызвать вопросов. Как отмечают многие историки едва ли не все самые главные слова и названия русского православия имеют западное, романо-германское происхождение.

“Крест” – немецкое “крейц” от латинского “Кристос”. “Алтарь” от латинского “алтария”. “Поп” – верхненемецкое “паппе” от латинского “папа”.

“Пастырь” от “пастер”. “Церковь”, по-древнерусски “церкы” – немецкое “кирха”, от латинского “циркус. В русском тексте Библии присутствует третья книга пророка Ездры, отсутствующая в греческой Септуагинте, зато имеющаяся в Вульгате (латинском переводе). Календарь принят так же европейский, а не византийский, названия месяцев – латинские, и год изначально отсчитывался не с сентября, как в греческом, а с марта. Сами по себе эти факты, даже если не принимать во внимание вышеизложенные исторические свидетельства, являются достаточными, чтобы говорить об имевшем место католическом влиянии.(6,29)

Не надо забывать само собой про “единство церквей” до великой схизмы-раскола 1054 года, когда римский папа и константинопольский патриарх взаимно проклинали и отлучили друг дружку. И в самом деле – церковь формально все еще была единой апостольской вселенской церковью, несмотря на все различия между тонкостями обряда, и разницу между толедским и никейским символами веры.

Император Михаил именуется в послании папы Адриана * «благочестивым», на фресках храма Софии Киевской среди святых видим типично католического святого Климента – одного из римских пап.

Однако византийская церковь и во времена единства именовала крест ставросом, алтарь – бомосом, священника – иереем, церковь – еkkлезией (или наосом), еретика – гетеродоксом. Византийская церковь не знала колокольного звона, зато его знал и знает католический. Вплоть до начала XIII века русские князья спокойно роднились с западными правителями. Русские княжны выходили замуж за французов (знаменитая Анна Ярославна), немцев (Евпраксия, жена императора Генриха), поляков. В свой черёд русские князья сочетались браками с западными «королевнами» – скажем, женой Владимира Мономаха была Гита, дочь Гарольда Английского, последнего из британских монархов-саксов.

Общепринятая (вернее – официальная) версия принятия христианства на Руси исходит из того, что новая вера появилась в киевских землях где-то в первой половине X века, что христианство было греческого образца, а первой из правящей династии ее приняла княгиня Ольга, во время своей поездки в Константинополь в 957 году. При этом, в соответствие с церковной историографией, император Константин Багрянородный, очарованный ее красотой (нашим современницам впору позавидовать – княгине было по некоторым данным как минимум под пятьдесят!), даже сделал ей предложение, но, брак не мог состояться, поскольку он был ее крестным отцом. (6,142;12,48)

А вот западные хроники сообщают, что Ольга – она же “Елена, королева ругов” – послала за проповедниками и епископом в Священную Римскую империю Германской нации, а византийский император Константин сообщал, что в момент прибытия в Константинополь Ольгу уже сопровождал её духовник, которого даже назвал по имени – отец Григорий.

О крещении Ольги в Византии Константин молчит. Зато почти что современник крещения Руси, Адемар Шабанский, сообщает, что Владимира и его людей крестил святой Бруно-Бонифаций Кверфуртский, а уж позднее “некоторый греческий епископ” ввёл у русичей “обычай греческий”.

Наконец, упоминавшаяся Анна Ярославна, королева Франции, мало что вышла за католического владыку, но ещё и привезла на свою новую родину евангелие, написанное хорватской глаголицей. (Хорваты, как известно, католики).

В 967 году встречается упоминание о “русских священниках”, которые служат мессу “на славянском языке” причем не где-нибудь, а в булле римского папы Иоанна чешскому князю Болеславу. Таким образом, не исключено, что за летописными словами Владимира о том, что его предки отвергли латинскую веру, есть реальное основание, в том смысле, что отвержение предполагает, что по крайней мере она была предложена.

Почему это произошло – неизвестно.

Выдвигалось, однако, обоснованное предположение, что, цитируя Нестора «отцы наши сего не приняли» потому, что русская церковь была организована как рядовая епархия, входящая в один из германских диоцезов, в то время как дальновидная княгиня Ольга могла потребовать создания Русского диоцеза. Кстати, именно этого требовали при крещении чехи и поляки. Об этом, в частности, пишет историк Д. Приселков, и именно этого предположения придерживается и А. Бушков.

Представим же, что русские князья все-таки сделали окончательный выбор в пользу не восточного, а именно западного варианта христианства.

Способствует этому, в немалой степени и то, что Ватикан, трезво все взвесив, признал правоту требований русских князей и создает отдельную епархию, под названием Русский диоцез, с центром в Киеве, а так же – вполне возможно, и более внимательное отношение папского престола к вышеупомянутой инициативе преподобного Мефодия – между прочим епископа Паннонии и Моравии.

К каким последствиям этот выбор мог привести?

Вот что написал Лев Прозоров в своей довольно-таки претенциозной биографии князя Святослава. «...Перепуганная, лишившаяся последних надежд Ольга, очевидно, совсем потеряла голову. Иначе трудно объяснить то что она – иного слова не подберешь – вытворила в 959 году. На сей раз ее послы появились при дворе другого христианского владыки – кайзера Священной Римской империи германской нации Оттона I.

Послы «Елены, королевы ругов» – ругами, по старой памяти, называли варягов-русь на Западе, – просили «епископа и священников», наставления в истинной христианской вере. По тем временам подобная просьба означала признание себя вассалом, данником, по-русски – подручником того, кого просишь...

Что было бы на Руси, не наберись Святослав мужества твердой рукою перехватить у неразумной матери кормило киевской державы. В Киеве, Минске, Новгороде говорили бы сейчас по-немецки, и не было бы сейчас ни русских, ни белорусов, ни малороссов-украинцев. Разве что в глухих болотах Полесья, в Карпатах или у Белого моря ютились бы крохотные анклав дроговичей, дулебов да словен, как в Германии, где живут несколько общинок лужицких сорбов – единственного остатка гордых и сильных княжеств Полабья. Остались бы Польша и Чехия, но... Как повернулась бы битва при Грюнвальде, приди туда вместо витязей из Витебска Смоленска бывшие русичи из Витбурга и Смольнштадта – естественно, под черно-белые знамена Ордена? Продержался бы Жижка, если бы с Востока в Чехию, вместо братьев-запорожцев, двинулись бы соплеменники и единоверцы его врагов? Да и дожили бы Польша до Грюнвальда, Чехия до Жижки, если бы навстречу *Drang nach Osten* рванулся бы с Русских земель *Drang nach Westen*? Уцелели бы вообще на земле славяне?» Конец цитаты.

Что тут скажешь? Истинный русич Лев Рудольфович Прозоров конечно не только русский нацист и язычник, превративший в своей книге Святослава Игоревича в этакое славянского Гитлера (раз уж ни в настоящем в будущем он подходящих для этого фигур не находит) но еще как будто и кандидат исторических наук.

И не вредно было ему знать что принявшие западное христианство именно от немецких миссионеров венгры, чехи и поляки никак не исчезли, а напротив – доходили до Вены и даже почти до и Берлина (еще во времена гуситов). Став католиками литовцы не только не склонились перед немцами, но и успешно изрубили германских крестоносцев под Грюнвальдом. Более того – даже полабские славяне, жившие у немцев под боком и те отбивались еще почти полтора века после гибели Святослава – даром что были язычниками. (Кстати и сам Прозоров в другой книге упоминает что священниками в польских землях были не одни немцы, но в немалом числе и чехи). Так что было бы если бы...

...Итак, начнем с того, что вся политическая история Киевской Руси изначально пошла бы совершенно в другом направлении. Прежде всего, появляется реальная возможность избежать той феодальной раздробленности, которая, в конечном счете, и стала причиной ее упадка и гибели.

Связано это с целым рядом обстоятельств, вытекающих из политики католической церкви, в частности – ее понятиями о роли и статусе светской власти.

Во первых, русская великокняжеская династия, после принятия западного варианта христианства, сразу, или почти сразу же была бы возведена римским папой в королевское достоинство, так же как это было сделано в отношении польских и чешских князей. Одно это автоматически положило бы предел дроблению государства (в худшем случае если и не фактическому, то юридическому). Ведь, если великим князем можно было провозгласить себя самого, то королевский титул даровать мог только папа или император. Западноевропейский граф или герцог мог не повиноваться своему суверену, мог даже идти против него войной, но никогда не помышлял о том, чтобы самому силой занять королевский трон.

В качестве иллюстрации можно привести страны Скандинавии, где возникшие примерно в одно время с Древней Русью королевства, не без влияния католической церкви были преобразованы в централизованные монархии, минуя этап феодальной раздробленности, характерный для Германии и Франции.

Не менее важно и то, что церковь, исходя из своих интересов: сильная центральная власть рассматривалась бы как естественный союзник в недавно крещенной и еще во многом полуязыческой стране, активно способствует пресечению сепаратистских устремлений местных вельмож. Угрозы отлучения от церкви (как это практиковалось в отношении мятежных баронов, например во Франции) было бы достаточно, чтобы остудить самые горячие головы. (15,183)

С этой же целью католическое духовенство добилось бы отмены господствовавшей на Руси «лествицы», то есть системы наследования, по которой освободившийся престол занимал не сын умершего государя, а следующий за ним по старшинству член правящего рода.

Консолидации способствует еще и то, что именно из среды священства, как и в Западной Европе, выходят советники и монархов, и местных властителей – князей и бояр, и именно представители католического клира (в ранге епископов – как минимум) по традиции занимают должность канцлера при киевском дворе. Немалую часть священников составляют иноземцы, что имеет и свои положительные стороны, как, впрочем, и отрицательные. (22,375)

И тут мы видим весьма интересное явление, радикально отличающееся от того, что было в нашей реальности.

Русское духовенство оформляется в отдельное сословие клириков («клерков»). Оно, благодаря обету безбрачия, дистанцируется от мирских жизненных связей, переключаясь на внутрицерковные интересы и нужды, и одновременно, пополняясь за счет способных и энергичных людей из всех сословий, включая и социальные низы. Но важнее то, что русское католическое духовенство практически полностью автономно от светской власти, подчиняясь только римскому папе.

Попутно резко возрастает престиж образования, которое открывает даровитым простолюдинам путь к духовной карьере.

На русской земле возникают филиалы европейских монашеских орденов – бенедиктинцы, бернардинцы, францисканцы, и прочие более мелкие. Они получают во владение земли, где ведут весьма продуктивное хозяйство, становясь не только духовной, но и весьма заметной экономической силой. Появляются и командории европейских духовно-рыцарских орденов. Позднее, возникли бы и чисто русские монашеские ордена, названные именами местных святых и угодников, а вполне возможно – и свои собственные военно-церковные организации – какие-нибудь русские меченосцы или к примеру орден Медведя аналогично балканскому ордену Дракона.

Из всего этого вытекает одно важное обстоятельство – гарантированность прав русского католического духовенства оказывает заметное влияние на все остальные сословия, являясь для них наглядным примером (13,313). Церковная иерархия, опирающаяся на мощь папского престола, не позволяет русским монархам создать систему всеобщего подчинения государству.

Кстати, касаясь в этой связи, претензий католической церкви на светскую власть – пресловутого «папоцезаризма» (термин Владимира Соловьева) упреки в котором стали общим местом, то ведь и православие не было свободно от сего греха. Достаточно вспомнить Византию, где патриархи подчинили себе в конечном итоге императоров, и где солдаты и матросы использовались на строительстве церквей и монастырей, в то время как стены пограничных крепостей ветшали, а враги продвигались все ближе к Константинополю. «Монахи расслабили умы государей», – так высказался по этому поводу Монтескье несколько веков спустя. Аналогичные процессы, хотя и не столь ярко выраженные, можно было наблюдать в отечественной истории, не слишком даже и давней. Тот же патриарх Никон открыто выступал за подчинение светской власти церкви и, надо отметить, преуспел в этом немало. (6,92)

В XI–XIII в.в. русские воины участвуют в крестовых походах на Ближний Восток, но, из-за своей относительной малочисленности заметной роли не играют. Главным направлением для Киева, как и в реальной истории, остается степь – Дикое Поле, и борьба с набегами кочевников.

Но в данном вопросе надежды возлагаются отнюдь не на одну только силу оружия. Одновременно прилагаются значительные усилия для евангелизации (обращения в католицизм) половцев и печенегов.

Принявшие крещение половецкие ханы становятся союзниками, а затем и вассалами русского королевства и сражаются на его стороне со своими соплеменниками-язычниками. В конечном итоге половецкая и ясская (аланская) знать приравняется к русской, путем смешанных браков родниться с ней, и становится частью последней.

Благодаря последовавшему мирному (условно) подчинению значительной части западных кипчаков, в русских руках оказываются сначала устья Дона, Буга, и Днепра, а затем и обширные земли Северного Кавказа и Тамани, принадлежавшие прежде исключительно половцам и хазарам. Азовское море заслуженно носит наименование Русского моря, и та же участь всерьез грозит и морю Черному.

Русские владения на Северном Кавказе – Тьмутаракань, Белая Вежа – не только не исчезают, но и активно расширяются. Более того, вскоре под скипетр киевских королей переходит и Крымский полуостров. Практически отсутствуют междоусобные войны, разорявшие русские земли (в нашей реальности, как хорошо известно, только Киев брали штурмом и грабили больше десяти раз!).

Уже к концу XII века, территория Киевского королевства простирается от Белого и Балтийского морей до Черного, и от Вислы и Карпат Верхней Волги и Дона. Новгородские отряды завоевывают земли вплоть до Северного Урала, откуда широким потоком идут меха и серебро.

В Прибалтике русскими остаются земли по течению Двины и по крайней мере, восток Эстонии с городами Раковор (ныне Раквере), Кокейнос, Юрьев, Ругодив (позже ставший Нарвой). Русь пытается подчинить себе и территории литовских племен и курпов (будущая Курляндия), но эти стремления сталкиваются с аналогичными попытками немецких рыцарских орденов, что порождает конфликты, подобные тем, что в нашей реальности завершились Ледовым побоищем. На том же направлении Русь ждет мелкие стычки с датчанами и шведами, но они слишком незначительны, чтобы о них упоминать.

Русские купцы активно включаются в торговлю со странами Востока, по Волге и Каспийскому морю, составляя конкуренцию арабам и Византии.

Среди русских товаров – пушнина, хлеб, лес, кожи, скот, воск и мед. Немалое место, однако, занимают и изделия ремесленников – оружейников, ювелиров, кузнецов.

В Русском государстве, по примеру Европы уже с XIV века начинают создаваться университеты и академии – сначала в стольном Киеве, затем в Великом Новгороде, Галиче, Чернигове... Тысячи людей не только получают систематическое образование, не уступающее лучшим западным образцам, «но и пытаются в устных и письменных диспутах найти ответы на актуальные вопросы своего времени». В стенах университетов, в условиях относительной духовной свободы, ведутся споры между сторонниками различных богословских и философских течений и школ.

С течением времени в каждом более-менее крупном городе Русской земли имеются если не университеты, то свои семинарии и школы. Города и земли соперничают между собой, кроме всего прочего, еще и в том – чей университет (академия) лучше?

Создать учебное заведение не хуже, чем у соседей – дело чести и для горожан, и для феодалов, и они охотно жертвуют деньги на нужды образования.

В этой связи укажем, отвечая ненавистникам католицизма, что в православной Руси, практически до последних десятилетий XVII века отсутствовала какая-либо система образо-

вания даже для господствующих классов, за исключением духовенства (качество обучения последнего, было, впрочем, зачастую ниже всякой критики). Более того, постепенно, сугубо отрицательное отношение к образованию и науке стало почитаться едва ли не за добродетель. «Люби простоту больше мудрости, не изыскуй того, что выше тебя, не испытуй того, что глубже тебя, а како дано тебе от Бога готовое учение, то и держи». Греховным объявлялось даже изучение математики и астрономии: «богомерзостен пред Господом всякий, кто любит геометрию; а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам». Одним словом – «Братия, не высокоумствуйте». (109,67)

В данном же варианте развития, русская религиозно-схоластическая мысль неизбежно, вслед или даже одновременно с европейской, в какой-то момент вышла бы за пределы церковности – к светской позитивной науке. Имена русских ученых стояли бы вровень с именами Роджера Бекона, Николауса Кузанского, Коперника, Раймунда Луллия.

Точно так же и русское искусство получает возможность свободно развиваться, не стесненное жесткими византийскими канонами.

Если в известной нам истории культура на Руси практически до начала XVIII века развивалась, в основном, в церковных рамках, то в данной виртуальности наблюдается настоящий взлет светского искусства – литературы, живописи, скульптуры, дающий основания говорить о русском Ренессансе. (12,77)

Заметная часть литературных произведений пишется на латыни, но этот язык международной учености и просвещения не получает преобладающего влияния, как это случилось в Польше. (76,205) Все-таки, Русь куда более сильная в духовном отношении страна, да и германо-романское влияние практически отсутствует – а Польша граничит с достаточно сильной на тот момент Священной Римской Империей.

Как промежуточный результат – к середине XII–XIII векам, в России формируется достаточно развитая католическая, и вместе с тем, самобытная русская культура, точно так же как существует самобытная культура хорватов и словенцев. Кстати, весьма вероятно, что основой письменного русского языка стал бы все-таки не латинский, а кириллический алфавит, или особой славянской азбуки – глаголицы, как это было до XVIII столетия в Хорватии.

В 30–40 годы XIII века Русское королевство подверглось бы монгольскому нашествию (если не иметь в виду того, что в результате всех изменений, вызванных принятием Русью католичества, будущий Чингисхан вполне мог вообще не появиться на свет). Однако, последствия его не были бы столь ужасны, как в нашей реальности. Как бы то ни было, армия монгольских ханов встретила бы куда более мощный отпор, и добилась бы меньших успехов, тем более что на стороне русских сражались бы в немалом числе крещенные половцы и аланы. После ухода монголов Русь довольно быстро восстанавливает свои силы и небезуспешно противостоит возникшей в заволжских степях Золотой Орде, как небезуспешно противостояли ей литовские князья. Могло случиться и так, что со временем ордынцы приняли христианство, в конечном итоге подчинившись власти русских королей. Ведь Витовту в свое время, лишь стечение обстоятельств, переменчивое военное счастье помешало сделать своим вассалом Тохтамыша, а многие татарские ханы стали, в конце концов, «служебниками» московских великих князей.

Русское духовенство активно участвует в жизни католической церкви, благодаря своему распространению к востоку от Карпат и Буга действительно имеющей право именоваться вселенской апостольской церковью, «ecclesia universlis».

Русские епископы и кардиналы активно участвуют в формировании ее политики, их можно увидеть на соборах где обсуждаются важные вопросы религиозной жизни, канонизация святых, и т. д.

Конечно маловероятно, чтобы когда-нибудь на престол наместника Святого Петра сел бы наш соотечественник.

Но то, что русское духовенство играло бы важную роль в римской церкви – несомненно.

Географическая отдаленность Русского диоцеза и некоторые другие обстоятельства способствовали бы тому, что церковь на Руси существовала бы, в значительной степени автономно от Рима.

Бушков в своем сочинении затрагивает, почему-то полагая его весьма интересным, вопрос о том-на чью сторону стала бы Русь католическая в конфликте между папами и императорами.(12,77) Думается, поддержка была бы оказана Святому Престолу, по двум причинам. Во первых как мы уже говорили, папская власть была бы давним и верным союзником киевских королей. Во вторых, к тому времени Русскому государству уже пришлось бы, как уже говорилось, столкнуться в Прибалтике с немецкими рыцарями, за которыми, в гораздо большей степени, чем церковь, стояла империя. И добавим – отношения которых с Римом далеко не всегда были безоблачны. Правда, ничем существенным помочь великому понтифику Русь не смогла бы.

Однако, куда более интересен иной вопрос – как принятие восточными славянами католицизма повлияло бы на отношение к ним германо-романской Европы?

По мнению целого ряда историков, именно православие, поставило-де Русь вне цивилизации (имеется в виду, естественно, западная цивилизация – никакой другой они не признают), и тем самым якобы обусловило взгляд на русский народ, как на опасных варваров.

Автор, напротив, думает, что даже приняв католичество, восточные славяне остались бы в глазах многих европейцев такими же дикими и темными людьми. В качестве примера вспомним хотя бы то, что во время конфликта Польши и Тевтонского ордена, симпатии практически всей Северной Европы и папства были целиком на стороне последнего.

Да и сами рыцари воевали с поляками-уже не первый век добрыми католиками едва ли не более яростно, нежели с литовцами-язычниками и русскими «схизматиками». Правда, возможно свою роль в данном вопросе играло и то, что соседи – прежде всего Священная Римская Империя и Швеция-претендовали на польские земли, а ганзейские города, в летописях которых, например, поражение ордена под Грюнвальдом подается едва ли не как величайшая трагедия, были его активными торговыми партнерами.(10,69) Поскольку с далекой Русью у Европы общих точек соприкосновения, равно как и спорных вопросов, практически не существует, то и отношение к ней скорее сдержано – доброжелательное.

Несомненно, с течением времени появлялись бы в нашей стране и ереси, если даже и в условиях господства православия ее не миновала чаша сия. По видимому, как и в нашей реальности центром их возникновения и распространения стал бы Новгород, где уже в XIV веке получили немалую популярность ереси «стригольников» и «жидовствующих», отчасти схожие, насколько можно судить по скудной информации, дошедшей до нас, с лютеранством.

И тут автор, исторической правды ради, должен будет написать о том отрицательном моменте, сравнительно с имевшим место в действительности, который повлекло бы принятие русскими западного христианства.

Вместе с властью пап, на Руси – как и по всей Европе, появилась бы и инквизиция. А значит – и процессы над еретиками и «колдунами», проводимыми в полном соответствии с правилами, что изложены в жутком «Молоте ведьм», преподобных палачей Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса.

И завершаются подобные судилища кострами на городских площадях (пусть и в несравненно меньшем числе, нежели в германских княжествах, или Испании)(6,97)

Точно так же и отношение к подданным иных конфессий (кроме иудеев, хотя и тем тоже доставалось) у русских католических властей было бы куда как менее благосклонным, чем на Руси православной. В нашей истории великие князья, а затем – цари и подчиненное им духовенство, хоть и без удовольствия, но терпели язычников и мусульман. В большинстве же католических стран, разговор с иноверцами был короткий – крещение или смерть, в лучшем слу-

чае – изгнание. Примером относительной веротерпимости среди государств Запада была одна лишь Речь Посполитая.(75,259)

Но сомнительно, чтобы в Русском королевстве были бы приняты аналогичные польским законы, разрешающие тем же мусульманам свободно отправлять свои богослужения.

А это значит, конфликты в том же Поволжье, после распространения на него власти киевской короны, проходили куда как более жестко, вернее-жестоко.

Зато с уверенностью можно сказать, что русская королевская династия довольно скоро приобрела бы заслуженный авторитет среди ближайших западных соседей Киева – поляков, чехов, мадьяр и весьма вероятно, что представители Рюриковичей оказались бы на престоле в Кракове, Праге, а, возможно и в Будапеште, подобно реальным Ягеллонам.

Кроме тесных отношений с Западной и Центральной Европой, так же продолжали бы развиваться связи и с Константинополем, а через него – и со всем Востоком.

Кроме того, не исключено, что будучи поставлена перед фактом появления могучей католической державы на восточных границах империи, Византия бы предпочла не доводить дело до открытого разрыва с Римом, и христианская церковь сохранила бы единство, пусть даже и номинальное, как и прежде управляясь из двух центров – Рима и Константинополя. Не представляется возможным даже приблизительно сказать, к каким последствиям бы это привело, но не исключено, что в городе на берегах Босфора, до сих пор на престоле сидели бы монархи, именующиеся «император ромеев (римлян – Авт)». Впрочем, мы несколько отвлеклись от темы.

Александр Бушков, рассуждая о возможных последствиях появления «тиары над Россией», высказывает мысль, что Русь католическая почему-то обязательно ринулась бы оказывать помощь папскому престолу в борьбе с возникшим примерно в XVI веке протестантизмом (естественно, с кем-то неведомым нам вместо Лютера и Кальвина в качестве основоположников). И мол, в результате этого, «ересь» была бы быстро уничтожена, после чего в Европе навеки водворилось бы некое духовное благолепие, не нарушаемое никакой нехорошей «протестантской этикой».(12,78)

При этом он почему-то забыл подсчитать: во сколько десятков, если не сотен тысяч жизней обошелся бы русскому народу подобный крестовый поход.

Автор, однако, полагает, что русские монархи оказались бы достаточно дальновидными и умными, и не вмешались бы в религиозные войны между католиками и протестантами – аналоги известных нам Крестьянской и Тридцатилетней войн, которые разразились бы в XVI–XVII веках (плюс-минус одно-два десятилетия, в сравнении с аналогичными конфликтами нашего прошлого).

Вопрос так же еще и в том – не распространилась бы столь нелюбимая Бушковым «зараза» и на Русь. Ведь тому был целый ряд предпосылок – и упоминавшееся относительное «удаление» русской церкви от религиозного центра, и осознание того что Русь – это не совсем Европа; вполне возможно выявились и другие причины. В конце концов, в той же Польше, с ее прочнейшими, казалось бы, католическими традициями, было немало исповедующих протестантскую веру (так называемые ариане). А в другой славянской стране – Чехии-атака на католические догматы началась почти за век до Лютера, при Яне Гусе и другом Яне – Жижке, когда отряды таборитов доходили – как уже говорилось едва ли не до Берлина.(6,71)

И в Русском королевстве вполне возможно нашелся бы и свой Лютер, а там – как знать – и свой Генрих VIII по воле которого возникла бы какая-нибудь Русская апостольская церковь, противопоставляемая «растленному» папскому Риму.

Но вопрос этот действительно слишком сложен, и поэтому углубляться в него особого смысла нет.

С течением времени (думается, не позднее XVI века) в России начал бы развиваться капитализм, источником первоначального накопления капиталов для которого стало бы не

пиратство и тотальное разорение крестьянства, как, скажем, в Англии, а прежде всего выгодное географическое положение нашей страны на перекрестке торговых путей между востоком и западом.

Примерно в тот же период Русское королевство позже, вполне возможно ставшее империей, точно так же как и православная Московия, начало бы интенсивно расширяться в восточном направлении, присоединив сначала Поволжье и Приуралье, затем Западную, а потом Южную и Среднюю Сибирь.

Одновременно раздвигая свои пределы и к югу – в киргизские степи и пространства Центральной Азии. Двигаясь по этому естественному пути, Русь вышла к Тихому океану и, наконец, перешагнула из Азии в Америку.

Уже очень давно католическая Россия не только не уступает ни в чем Европе, но и опережает ее, благодаря своим огромным ресурсам – людским и природным, и в значительной степени благодаря тому, что многие таланты на протяжении всей нашей истории задавленные косной духовной атмосферой, получили возможность раскрыть себя.

И ныне, в XXI веке Россия вполне могла оказаться самой развитой и могущественной мировой державой, превосходящей все остальные по своему экономическому, научно-техническому и культурному уровню.(13,314)

Русь и мир в отсутствие Тэмуджина

Наверное, всякий кто более-менее подробно знаком с событиями происходившими на просторах Евразии в XIII веке задавался хоть раз вопросом: а как бы развивались события, если бы Чингисхан погиб бы до того, как стал бы владыкой Степи?

Что было бы, умри до срока этот человек, стремительно появившийся из диких азиатских степей, чтобы стать властелином половины мира?

...Тот, кто позже получит титул – имя Чингисхан, а при рождении назван Тэмуджином, родился, как предполагает большинство исследователей, примерно в 1155 году (некоторые называют и более ранние даты). (73,11)

Тут, немного отступив, скажем об одном любопытном обстоятельстве – хотя Тэмуджина и принято именовать монголом, но никакой Монголии, и никакой монгольской нации на тот момент не существовало. В степях на востоке Азии, на пространстве в два с лишним миллиона квадратных километров, жили несколько десятков больших и малых племен, родственных по языку и культуре (да и то не всегда), но при этом вовсе не ощущавших себя единым целым. Собственно монголы – мэngu – были лишь одним из них, даже не самым большим и сильным. (72,19)

Происходил Тэмуджин из древнего и знатного рода Борджигинов, племени тайджиутов, и прадед его даже объединил на какое-то время под своей властью ряд племен. С рождением его, по преданию, связана довольно – таки романтическая, а в то время и в тех краях – в общем-то обычная история.

Мать его – Оолун была похищена его будущим отцом через несколько дней после свадьбы, когда он случайно встретил в степи кибитку молодых супругов.

Отец его, Есугей – баатур был довольно заметной персоной, даже претендовал на ханский трон, но слишком рано умер. Согласно общепринятой точке зрения он был отравлен, будучи в гостях у татар – одного из многих монгольских племен.

После смерти отца все, включая близких родственников, мгновенно отвернулись от семьи своего бывшего предводителя, бросив их на произвол судьбы, вдобавок-отобрали почти весь скот и имущество. (22,115)

И это в патриархальном обществе, где кровное родство так много значило, во времена, когда изгнание из рода считалось одним из самых тяжких наказаний! Что послужило причиной столь необычного, даже для того жестокого века поступка? Какая, быть может, жуткая тайна скрывается за столь безжалостным обращением с семьей не самого последнего человека в племени? Легенды и летописи не дают даже намека...

Может быть, и не татар, или не одних только татар надо винить в смерти Есугея?

В одиночку маленькая семья, в которой нет взрослых мужчин, кочует, беззащитная перед любым степным бродягой, голодает и бедствует. Надо полагать, все происшедшее не способствовало доброжелательному отношению сына Есугея к роду человеческого.

В это время девятилетний Тэмуджин убивает своего единокровного брата Бектера – в ссоре из-за выловленной рыбы. Прежде чем в ужасе хвататься за голову, постарайтесь получше представить себе, читатель, эту картину. Двое голодных, изможденных мальчишек, яростно дерущихся над рыбешкой, от которой, без преувеличения, вполне возможно зависит жизнь и смерть маленьких изгоев, живущих в жестоком мире, где грабежи, убийства, предательство были заурядным явлением. (22,117)

Затем он схвачен своими родственниками тайджиутами, превращен в раба и посажен в колодки.

Он бежит из плена, прячется, скитается в одиночестве, скрываясь от преследователей в семье своей будущей жены Бортэ... Какие шансы уцелеть были у него – один к ста? Один к

тысяче? Но тем не менее он выживает, а возмужав, объединяет вокруг себя одиночек-изгоев, подобных себе, становясь предводителем маленького кочевого клана – называя вещи своими именами – одной из множества степных банд.

Судьба его – безвестного отпрыска почти угасшего рода, в эти годы не отличается от судьбы множества других безвестных степных воителей.

Он успешно воюет и разбойничает, множество раз рискуя жизнью и терпя поражения, но каждый раз счастливо спасаясь. Словно и в самом деле некие неведомые силы выковывали из него оружие для уничтожения прежнего миропорядка.

К нему присоединяются уже не только отдельные изгои и семьи, но целые роды-слабые, ищущие помощи, обиженные своими набольшими, или просто недовольные своим положением. У Тэмуджина появился и сильный союзник – кераитский хан Тогорил (Торгул).

С известной натяжкой можно сказать, что именно тогда и началось возникновение нового народа-монголов, отцом которого в какой-то мере был этот, едва перешагнувший за четверть века недавний вожак степных бродяг.

Родовая знать, надо отметить, неплохо понимает исходящую от этого человека и его орды опасность, но попытки покончить с ним плохо организованы и результатов не дают.

Спустя «всего-навсего» двадцать лет он одерживает окончательную победу. Его последний, самый упорный враг, и бывший побратим Джамуха разбит и казнен, та же участь постигла и хана Тогорила – его самого первого союзника.

Под рукой Тэмуджина отныне огромное пространство Великой Степи, от Алтая до Амура, и войско, в котором более сотни тысяч всадников.

И это вовсе не тупые сонные кочевники, как думают многие. Это люди необычайно выносливые, закаленные суровой жизнью в десятках поколений, учившиеся стрелять из лука с трех лет, умевшие выпустить стрелу в цель за пять-шесть сотен шагов, и сажившиеся на коня тогда же, когда начинали ходить, способные по шестнадцать – восемнадцать часов провести в седле. Люди с превосходной реакцией и, пусть и ограниченным, но острым умом: медлительные и негибкие просто не выжили бы в тех условиях. Без преувеличения можно сказать: в распоряжении Чингисхана были лучшие солдаты своего времени.

На курултае 1206 года он избирается ханом всех монгольских племен (других кандидатов просто не осталось в живых), и именно тогда принимает новый титул, ставший вторым именем, под которым он стал известен.*

В 51 год он только-только начал свой путь к власти над миром, путь, на котором он, отдадим ему должное, продвинулся дальше всех претендентов на нее за всю известную историю человечества.

...В течение следующих двадцати лет, которые ему отпустила судьба, Чингисхан непрерывно воюет. То один против многих стран, то в союзе с недавним врагом против недавнего друга. Это не блицкриг, это долгая и тяжелая борьба с численно превосходящими врагами, но он идет от победы к победе. И с каждой победой его армия все растет в числе, ибо в нее вливаются массы воинов из числа покоренных народов. Он не раз заключал, вопреки собственной «Ясе», мир с непобежденным врагом, но всякий раз это почему-то шло на пользу ему одному, а врагов губило.

Армии его, как огненный смерч, пронесли от Гоби до Гиндукуша, Дона и Багдада. Он сокрушил древние, тысячелетние государства, которые, могли бы существовать еще века и века, перекроил карту мира и изменил всю дальнейшую историю.

Разбиты и поставлены на колени чжурчжени, тангуты, кара-кидани, восточные половцы, уйгуры, стерт с лица земли Киргизский каганат. В прах повергнут богатейший Хорезм, где города, сдававшиеся без боя – Бухару и Самарканд, ждала та же участь, что и тех, кто сражался до конца – смерть. Их судьбу разделило еще множество народов и стран, вплоть до лесных племен Южной Сибири.

К моменту смерти Чингисхана, его армия стоит уже на Инде и у Гиндукуша. А за два года до этого он шлет свою армию в поход на запад, и там, у Калки, страшную силу монгольской сабли суждено впервые испытать русским воинам...

Умер Повелитель мира осенью 1227 года, на войне, пытаясь окончательно сокрушить все еще сопротивлявшихся восточных тангутов. Неизвестны ни подлинные обстоятельства его кончины, ни место, где упокоились останки этого великого и страшного человека. Его потомкам удалось еще больше расширить империю, но, как это бывало и прежде, созданное не очень надолго пережило создателя.

Хотя ... если вдуматься, это «недолго», составило более ста лет, и еще многие века шел спор за наследство Темуджина, окончательно завершившийся только с присоединением Крыма к Российской Империи *.

Воины его сына Угедея доходили до Одера и Померании. Внук Чингисхана Хулагу, в 1258 году окончательно уничтожает Арабский халифат, его армия стирает с лица земли крупнейший город мира той эпохи – Багдад. Весь Средний Восток был обращен в пустыню, песок поглотил развалины городов и разрушенные оросительные каналы.(15,59) Только много столетий спустя раны, нанесенные тем нашествием, затянулись. И вместе с тем, династия ильханов Ирана, потомков Хулагу, правит почти полтора века, покровительствуя наукам и искусствам, сражаясь с турками и арбами и заключая союзы с государями далекой Европы.

Другой его внук – китайский император Хубилай, через семьдесят лет после смерти деда высаживает монгольские десанты на Яву и Японские острова, пытается покорить Индокитай и Бирму.

Его потомки становятся русскими князьями и индийскими императорами. Его почитают многие в нынешнем Казахстане, хотя именно предков современных казахов – куман и киргизов он истреблял особенно безжалостно. К его грозной славе пытались примазаться еще не так давно в маоистском Китае, а такой приверженец гуманистических идей, как Г. Уэллс поставил его в исторической табели о рангах выше Александра Македонского и Карла Великого(13,116).

А ЮНЕСКО в 1999 году признала Чингисхана «человеком второго тысячелетия». По этому поводу, можно, конечно, сколько угодно морализировать, но ведь и в самом деле его деяния в колоссальной мере определили облик современного мира.

...Итак, представим же себе, что судьба распорядилась так, что смерть настигает будущего «Потрясателя Вселенной», до того, как монголы объединены под его властью. Все равно умер ли он от голода и лишений в детских скитаниях, убит ли тайджиутами, погиб ли в одной из бесчисленных схваток, отравлен ли в китайском плену. Или, наконец, вообще не появился на свет, ибо его мать – прекрасная Оолун, не стала пленницей Есугея.

Как развивалось бы дальнейшее течение истории в таком случае?

И главное – как бы это отразилось на судьбах России.

Прежде всего, в духе классической истории, зададим вопрос – а изменило бы отсутствие этого персонажа что-нибудь вообще?

Например, востоковед Игорь Можейко полагает что: «...погибни Тэмуджин от руки меркитов или в колодке у своих родичей, объединение ...и рождение новой Монголии, все равно произошло бы...потому что распад родового строя привел к революционной ситуации в степи. И мы тогда узнали бы из учебников истории иное монгольское имя». (22,122)

То есть на месте Чингисхана оказался бы (вернее, был бы Чингисханом провозглашен) скажем, тот же кераитский хан-христианин Тогорил, и если не все, то многое повторилось бы.

Позволим себе не согласиться с этим.

Ни один из представителей родоплеменной знати, скованной вековыми традициями и обычаями, думается, не смог бы стать общемонгольским ханом. Хотя бы потому, что не сумел бы стать своим для всех – и для массы недовольных «людей длинной воли», и для равных себе

по знатности. Не говоря уже о том, что гении, включая, само собой гениальных полководцев и политиков рождаются, мягко говоря, нечасто.

Чтобы возникла империя Тэмуджина, нужен был именно Тэмуджин, близкий к массе простых воинов и, одновременно, обладающий в их глазах освященным традицией правом на власть, как сын и внук ханов.

Поэтому, с его смертью, так и оставшейся безвестной для человечества, обстановка в монгольских степях остается без изменений – как многие века до того.

Найманы – народ тюркской группы, живущие в районе Алтая, конфликтуют с татарами. Те, в свою очередь, – с кераитами, а ойраты, обосновавшиеся по течению Ангары – с живущими в Забайкалье меркитами и урянхайцами из алтайской тайги, и так далее...

Периодически несколько больших орд объединяются для набега на соседей – будь то окраины Цинь, или же такие же монголы.

Происходят конфликты с Киргизским каганатом и восточными половцами, с тангутами и кочевыми племенами карлуков.

В происходящее в степях активно вмешиваются более цивилизованные соседи, непрерывно интригуя и натравливая одни племена и роды на другие. Если какой – либо из сильных вождей становится, по мнению сановников Цинь или Си-Ся, опасен, его просто убирают с помощью яда или заговора (13,120).

Никакой Монгольский каганат не имеет места, да собственно – и название такое – Монголия, никогда не появится на страницах мировой истории. Лишь в позднейших трудах по этнографии, мало кому известных кроме специалистов, упоминается это племя, ничем не примечательное и не заслуживающее даже того внимания, которое уделяется, скажем, тем же кераитам с найманами – самому восточному форпосту христианства. И уж тем более никому не приходит в голову, что какое-то определяющее воздействие на мир могла бы оказать эта самая Монголия, раньше или позже поглощенная кем-то из соседей. Одним словом, все процессы в мире идут свои чередом, полностью подчиняясь историческим закономерностям, органично вплетаясь в поток мировой истории и в своем единстве формируя его. Не нашлось никого, кто опрокинул бы это стабильное и предсказуемое развитие.

Китай остается разделенным на царство Цинь на севере, занимавшее территорию от Приамурья и Уссури, до Хуанхэ, и царство Сунь в южно-китайских землях.

В Средней Азии и восточной части Ирана по прежнему господствует великая мусульманская держава – Хорезм – с его блестящей персоязычной культурой. В одном только Балхе насчитывалось 1200 мечетей и двести постоянных дворов. Именно Хорезму, самому крупному и высокоразвитому государству исламского мира суждено было стать его лидером. Просто не нашлось бы силы, способной с ним соперничать. В дальнейшем он мог бы даже существенно потеснить сельджуков и подчинить себе также и земли Арабского халифата, вплоть до Средиземного моря. Одновременно, существенно ниже был бы ареал распространения тюркских языков, которые именно при ханах – потомках монгольских завоевателей вытеснили фарси.

Арабский халифат тоже пока продолжает существовать, пусть и съжившись до размеров нынешнего центрального Ирака и Сирии. Его столица-Багдад – по прежнему крупнейший город мира, и по прежнему является центром мусульманской цивилизации, наряду с Меккой и Мединой, и одним из центров мировой торговли. (13,121) За его стенами живет порядка миллиона человек; существуют множество библиотек и учебных заведений.

В Малой Азии возродившаяся Византия соперничает с Конийским султанатом, раздираемым сепаратизмом вельмож, и Киликий-православным армянским царством.

Но это тоже почти не касается русских земель – лишь в достаточно отдаленном будущем возможная война между русскими и хорезмийцами.

Но вот что важно для ее судеб – не считая того, что она избежит уничтожения ордами Батыя – так это то, что Великая Степь от предгорий Алтая, до низовий Дона и Волги, имену-

емая также Дешт-и-Кипчак, принадлежат многочисленному, хоть и разделенному на роды и племена народу кипчаков-половцев.

Большая их часть придерживается традиционных верований степняков – тенгрианства, хотя на западе некоторые исповедует православие, а на юге, у хорезмийских границ, вполне возможно – и ислам.

Кроме того, на северо-восточных рубежах русских княжеств по прежнему существует Волжская Булгария, населенная мусульманами, христианами и язычниками. Город Биляр – ее столица-превышает своими размерами и богатством современные ей европейские столицы, площадью вдвое превосходя даже Париж.

Конфликты, союзы, взаимодействие с этими ближайшими соседями и составляют главные внешнеполитические проблемы на Руси.

А что же внутренние дела?

Раздробленная на княжества и уделы Русская земля, тем не менее остается достаточно развитым регионом мира, опережая, скажем, ту же Польшу. Население ее составляет более семи миллионов, прирастая с каждым годом.

По прежнему на берегах Днепра процветает Киев, хотя и жестоко пострадавший от смут и междоусобиц, но все равно поражающий иноземцев величием и богатством. В нем четыреста одних только церквей и восемь рынков, он входит в число крупнейших городов Европы. О Киеве с восхищением говорят в Константинополе, в германских землях, в Италии и даже в весьма отдаленных арабских странах и Персии.

И до сих пор в нем можно увидеть Десятинную церковь, Золотые ворота и древнюю Лавру, превосходящую по величине и красоте нынешнюю. В неприкосновенности остались захоронения древних русских князей, княгини Ольги и ее внука – князя Владимира Равноапостольного, являющиеся предметом паломничества верующих со всей русской земли.

До наших дней сохранились множество летописных и литературных памятников и может быть, то были бы жемчужины, сравнимые с бессмертным «Словом о полку Игореве».

Точно так же, как дожили бы до XXI века многие памятники архитектуры, привлекающие восхищенных почитателей искусства и старины, погибшие в ходе нашествия – вспомнить хотя бы воздвигнутый в XII веке во владимирском Боголюбове великокняжеский дворец – великолепный образец древнерусского зодчества, с его искусной каменной резьбой, изразцовыми кладками и искусно спланированным ансамблем.

И до сего дня стоит на своем месте Старая Рязань и черниговский Вщиж-и не они одни.

По сию пору существует Старая Рязань, или случайно найденный археологами в семидесятые годы XX века на Житомирщине, довольно большой город, даже название которого осталось неизвестно историкам.(76,89)

И кто может знать – что выросло бы со временем из тех обращенных в прах городов и городков? Ведь тогдашняя Москва уступала многим из них...

А каковы были бы возможные пути дальнейшего развития нашей страны? Сохранилась (а быть может даже и еще усугубилась) на неопределенно долгое время феодальная раздробленность с ее княжескими междоусобицами, разорявшими русскую землю?

Или развитие пошло бы в соответствии с более-менее классическим для остальной Европы путем – оформление городов как особой, осознающей себя силы, враждебной княжеским междоусобицам, их противостояние феодалам и удельным князьям, и в последующем – опора на них возрождающейся центральной власти? Для подобного сценария тоже существовали предпосылки – ведь в течение XII–XIII веков, до самого монгольского нашествия города, несмотря даже на непрерывные войны и смуты, крепили и богатели, умножаясь в числе, сохраняя и развивая вечевой строй, и уже начался процесс их эмансипации от княжеской власти. Более того, весьма распространенной практикой – не только в Новгороде и Пскове, было заключение договора («ряда») между князем и пригласившим его городом, когда князь брал

на себя определенные обязательства, в случае нарушения которых горожане могли призвать другого князя. И от этого – всего один шаг до того, чтобы, осознав губительность дальнейшего разделенного существования, обратиться за покровительством к кому-то одному, отказав в повиновении остальным...

Ведь, несмотря на феодальную раздробленность, продолжало существовать осознание исторического единства всех русских земель, и все жители на пространстве от Карпат и Волхова до Волги, говорили на одном языке (в то время, как французский язык еще два века спустя был понятен только жителям Иль-де-Франса, а в Германии еще при Бисмарке не все немцы понимали друг друга).(22,339)

При подобном сценарии грядущему объединению могло способствовать и то, что все князья были, по сути, члены одной разросшейся семьи, и даже общим законом для всех раздробленных уделов являлась «Русская правда» Ярослава Мудрого.

И тогда, в свой черед возникла бы обновленная Киевская Русь, втягивающая в орбиту своего влияния степные народы – так же как в свой черед возникла на месте королевства Меровингов империя Карла Великого.

Нет ясности и в том, кто, какое из княжеств могло бы возглавить это собрание земли Русской. Не мог выступить в этой роли, несмотря на богатство и силу, эгоистичный и нестабильный Новгород, а тем более Киев, разоренный непрерывными войнами и смутами, неоднократно подвергавшийся набегам. Наилучшие шансы были, думается, у Великого княжества Владимирского, весьма благополучного экономически, защищенного от внешних врагов и включавшего в себя сравнительно небольшое число уделов. Вместе с тем, следует упомянуть и еще одного кандидата на эту роль, почти никогда не рассматривавшегося в подобном качестве. Речь идет о Галицком княжестве – весьма сильной и богатой земле на юго-западе Руси, протянувшейся от Карпат до Черного моря, граничившее с Венгрией, Польшей, Болгарией. Ее князья активно участвовали в европейской политике, роднились с правителями окрестных государств, заключая с ними союзы. Расположенное на перекрестке важных торговых путей, это княжество стало к двадцатым – тридцатым годам самым сильным на Руси, и – за исключением, пожалуй, Новгородской земли – самым богатым. Другой особенностью было наличие сильного боярства, по своему положению стоявшего выше своих собратьев в других землях, и в чем то сближавшегося по статусу с европейским рыцарством.

Княжество это было многонациональным – среди подданных галицких князей было немало греков, армян, южных славян, венгров, что способствовало развитию терпимости правителей – качеству весьма нелишнему, в условиях объединения разнородных частей в единое целое.(22,326)

Последний домонгольский правитель княжества – Даниил Галицкий успешно отбивает попытки венгров и поляков подчинить себе русские земли, одновременно борясь с боярским сепаратизмом. Он становится великим князем Киевским, получив власть над этой обширной и богатой землей, что вполне могло рассматриваться как первый шаг к утверждению своей власти над, по крайней мере, большей частью Киевской Руси. Именно Галиция могла стать центром нового русского единства, а князь Даниил – его основоположником. (12,239)

И куда бы двинулась эта единая Русь? Остановилась бы она на Волге? Или на или Оби? Возникла бы, скрепленная общей германской опасностью мощная европейская держава, граничащая на западе с Польшей, а на юге-с Дешт – и-Кипчак? Вывели бы в конце концов походы новгородских ватаг и владимирских дружин в Зауралье, к Тихому океану?

Невозможно дать точного ответа на все эти вопросы...

Или, быть может, события пошли бы совсем в другую сторону? Центр консолидации, как и в нашей истории сместился бы на северо-восток, но то был бы не Владимир и тем более не Москва а, как полагает, например, Александр Буровский, Волжская Булгария (10,281). Именно она, со временем, могла бы начать присоединять к себе разрозненные, все более дробящиеся

удельные княжества, как это позже станет делать Литва. В этом случае уже в XV–XVI веках возникла бы страна, где титульной нацией стали бы поволжские тюрки, а основную массу населения составили славяне, и включающее в себя, наряду с русскими землями Поволжье, Прикамье и Предуралье.

Быть может, в этом варианте истории, судьбу Евразии определяли войны между Великой Булгарией, говорившей по-русски, протянувшейся от Балтики до Охотского моря, и Великим Хорезмом, говорившим на персидском языке, чьей южной границей стали бы Гиндукуш и Индийский океан, а северной – Балхаш и Арал?

Да, собственно, могло произойти все или почти все. Не представляется мыслимым дать ответ – какие именно пути были суждены мировой истории ее *естественным* течением, грубо пресеченным саблей Тэмуджина.

И миллионы и миллионы русских людей из «того» XXI века (как и вообще миллиарды землян того, совсем иного мира), не знали бы, что самым своим бытием они обязаны исключительно тому, что некий сын никому неведомого степного вождя за семь столетий до них умер в детстве или юности, а то и вообще не родился.

Великая Моголия

Нижеследующий сценарий будет в чем-то противоположен предыдущему.

Как, видимо, знают читатели, монголы отнюдь не собирались останавливаться на западных границах русских земель. Но случилось так, что именно Русь стала самым западным государством, которое вошло в орбиту монгольского владычества.

Вместе с прочими землями – от Енисея до Грузии, она вошла в «Улус Джучи», назвавшийся так, поскольку власть над ними принадлежала потомкам старшего сына Темуджина.

Там, где монголы стали правителями достаточно цивилизованных государств – в Иране и Китае, они довольно быстро превратились в обычную феодальную знать, а ханы – в «стандартных», если можно так выразиться, монархов, усвоив культуру завоеванных, и в итоге почти начисто ассимилировавшись.

Не то было в «Улусе Джучи». Золотая Орда так и осталась по сути бродячим кочевым войском, а Сарай-Бату – не подлинной столицей, а всего лишь его зимней ставкой. Формально ханы – преемники Батыя, владели землями от Дуная до Самарканда. Фактически же под их полным контролем была лишь столица, где они были полновластными правителями. На местах же правила уцелевшая знать, вынужденная покоряться – до поры до времени.

Монголов интересовало лишь бесперебойное поступление дани, обеспечиваемое угрозой грабительских набегов, ничего подобного настоящим государственным институтам они не пытались учредить.

Впрочем, вне зависимости от поступления дани, набеги все равно происходили – и с тем, чтобы напомнить покоренным народам, кто является их хозяином, да и просто когда какому-нибудь хану или царевичу хотелось набить сундуки золотом, или поразвлечься.

Русские князья обязаны были получать ярлыки на княжение в Сарае и обеспечивать уплату дани – но и только. Князья свободно воюют между собой, свободно съезжаются на сеймы, заключают союзы... Хань почти не вмешивались в их внутренние дела, хотя активно участвуют в междоусобицах, поддерживая то одних, то других, натравливая вассалов друг на друга.

Случается, чем-то не приглянувшегося им правителя убивают, чтобы посадить на его место его сына или брата, чтобы потом удивляться: а с чего это «облагодетельствованный» таким своеобразным методом не проявляет к ним почтения и любви?

Гумилев, непонятно почему, упорно называл эти отношения симбиозом.

Официальное их название «монголо-татарское иго», и оно точно отражает их суть – финансовый вопрос имел для потомков Чингисхана, как уже говорилось, первостепенное значение. Правда, что касается определения «татарское» можно поспорить. В конце 80 г.г. прошлого (XX) века, в эпоху роста национальных страстей, казанские ученые довольно остроумно пошутили насчет «татарского ига» над татарами (земли Поволжья облагались данью не в меньшей степени, чем русские).

В конце концов, монголы остановились на великих князьях московских, как на главных сборщиках дани и, своего рода «агентах влияния» в вассальной Руси – и таким образом, в некотором смысле заложили основу современной РФ.

Но надо сказать, что подобное развитие событий, когда Русь оказалась данником паразитического образования воинственных кочевников, было отнюдь не единственно возможным.

Карамзин, например, в своей «Истории государства Российского», выразил такое мнение: «Если бы монголы сделали у нас то же, что в Индии, в Китае, или турки в Греции; если бы, оставив степи и кочевание, переселились в наши города; то могли бы существовать и донныне в виде государства...»(116,424).

А вот что пишет, например, Александр Михайлович Буровский в своей «России, которой не было –2»; вот какой, с позволения сказать, исторический «ужастик» нарисовал этот уважаемый и небесталаный автор-трубадур радикального западничества.

«Бату – хан полюбил причерноморские степи и сделал своей столицей Сарай-на-Днепре (А почему не на Дону? – Авт.), на днепровских порогах (А почему не в устье? – Авт.)... Названными сыновьями Бату-хана становятся не только Александр Невский, но и ...князья Западной Руси. Князья тверские, рязанские, московские, владимирские, пинские, киевские, черниговские, волынские и переяславские – вся Русь кишит в Сарае-на-Днепре, гадит (так в тексте – Авт.) друг дружке, укрепляет самого Бату-хана... После восстания в Киеве в 1280 году вечевые колокола снимают уже по всей Руси... В 1480 году под кривыми саблями подданных великого князя и кагана падет Вольтынь... В 1500 возьмут Краков... К 1520... доберутся до Новгорода...» В итоге «...Границу Европы приходится проводить в районе Львова...» и это как минимум. «Разве что Польша и Господин Великий Новгород имеют шансы отбиться...» (10,488)

Автор, в отличие от уже упоминавшегося покойного Л. Н. Гумилева, не испытывает ровно никаких симпатий к золотоордынским ханам.

Однако, он не видит никаких причин, по которым, при подобном гипотетическом сценарии, принявшие христианство и обрусевшие монголы стали бы худшими государями для русских земель, нежели обожаемые Бушковым и Буровским потомки литовца Гедеминаса – для Западной Руси.

Или франко-норманны Плантагенеты – для англосаксов. Или далекие потомки Чингис-хана – Великие Моголы – для Индии.

В конце концов, Иран под властью ильханов из династии Хулагуидов отнюдь не погиб и не впал в ничтожество, а скорее – напротив. А власть эта, как уже говорилось выше, длилась почти полтора столетия. Да и крещенный татарин Симеон Бекбулатович, кстати, пусть и чисто формально, но провозглашенный на некоторое время русским царем, рассматривался как реальная кандидатура на московский трон, после пресечения прямой линии Рюриковичей в эпоху Смуты.

Итак, представьте, читатель, что владыки монголов решили, если можно так выразиться, последовать совету Карамзина.

Большая часть великих князей истреблена в ходе боевых действий и последующей резни, остальные стали покорными вассалами ханов, под именем «названных сыновей». Кроме Александра Ярославича Невского, это могли быть князья Смоленские, Волынские, и князь Галицкий Даниил.

Места владок Суздаля, Владимира, Рязани, Чернигова, Киева занимают представители знати завоевателей.

На места многих погибших удельных князей и бояр тоже садятся бывшие монгольские темники и мурзы, а в городах – монгольские наместники. Впрочем, слово «монгольские» следует понимать весьма условно – среди служивших ордынским ханам, как уже упоминалось, были представители самых разных народов – от уйгур до алан.

В общем, события развиваются по сценарию, десятки раз отработанному за прошедшие тысячелетия, и так же, как случилось в то же время в Иране и Китае – захватчики, завоевывая какую-либо более цивилизованную страну, истребляют ее правящий класс (вернее, большую его часть), после чего занимают его место, превращаются в военную и земельную знать, постепенно сливаясь с местным населением. (14,448)

Только Новгородская земля сохраняет относительный суверенитет, хотя и вынуждена уплачивать дань монгольским ханам и, по крайней мере внешне признавать их верховенство.

И здесь история делает крутой поворот, значение которого не было понятно ни современникам, ни даже многим позднейшим историкам.

Прежде всего – относительно немногочисленное войско захватчиков и совсем уж незначительная верхушка как правило рано или поздно ассимилируются населением покоренной страны – как это случилось с франками в Галлии, арабами в Персии, и т. д. Это же случилось и с монголами. А поскольку их столица находилась в Поволжье, в тюркских областях, то тюрки их и ассимилировали, а затем наступила и неизбежная исламизация – как у вышеупомянутых сыновей и внуков Хулагу в Иране.

А случись монголам поселиться в славянских областях, или хотя бы поблизости от них? На Днепре, к примеру, как сказал Буровский.

Далее. Если в условиях кочевой степи и кочевых порядков, единство орды непрерывно подтачивалось бесконечной междоусобной борьбой претендентов на трон хана, то на Руси, напротив, у Чингизидов по сути не остается иного пути, как осуществить политическую эволюцию, по образцу уже упоминавшихся Ирана и Китая.

Как бы этот поворот событий отразился на судьбе русского народа?

Да простит меня читатель, но никаких ужасных последствий этого не просматривается.

В конце концов, как уже говорилось в начале главы, в течение десятилетий западными русскими землями правили язычники – литовские князья, и не сказать, что правили плохо, во всяком случае массового недовольства не вызывали.

Хотя в городах сидят ордынские баскаки – сборщики дани, и вельможи-наместники, тем не менее положение русских земель, сравнительно с известным нам, заметно улучшается. Прежде всего, практически нет грабительских рейдов монгольской конницы, предающей все и вся огню и мечу. Да и зачем бы стали новые правители Руси своими руками разорять собственные владения, с которых кормились? Так же нет, или почти нет в не меньшей степени разорявших русские земли мусульманских купцов-откупщиков (бесерменов), которым монголы продавали право сбора дани. Ханам, живущим в этих землях, куда удобнее собирать налоги самим. Монгольское войско рассредоточивается по русским землям в виде относительно небольших гарнизонов, что само по себе затрудняет большие походы – сперва надо собрать его в единый кулак.

Вместе с тем, дружины уцелевших русских князей и бояр привлекаются к военной службе – как вспомогательные части. Одновременно немалое число русских воинов зачисляется в ханское войско, как принудительно, так и добровольно – в надежде на добычу и жалование. Позже появляются целые тумены, сформированные по монгольскому образцу, но состоящие из уроженцев Руси.

Наряду с монгольской «Ясой» действуют «Русская правда» и русское обычное право. Причем, граница между их применением, так сказать подсудность, могла бы распределяться следующим образом – отношения завоевателей между собой, и с русскими подданными определяются в основном «Ясой», в то же время коренные жители Руси регулируют свои внутренние дела, опираясь на прежние правовые нормы.

...В 1255 году умирает властелин Золотой Орды Бату – хан; как не покажется читателю странным, наименее агрессивный из всех потомков Чингисхана, предпочитавший не ходить в походы, а жить в своем роскошном дворце, проводя дни в пирах и общении с многочисленным гаремом.

Ему наследует его сын Сартак, человек еще более миролюбивый, в сравнении с отцом, и совсем не воинственный. (116,295) Вдобавок, хоть и не православный, но христианин. (6,102) И именно он совершает поступок, окончательно перевернувший ход истории – под влиянием русского духовенства переходит в православие, одновременно активно способствуя крещению своих сородичей.

Никаких особых препятствий в этом его начинании не возникает.

К моменту завоевания Руси большинство монголов были язычниками. То же самое относилось к представителям других народов, входившим в состав их войск.

Для них окреститься – всего лишь признать, что есть еще один бог. Некоторая часть – аланы, уйгуры, турки – найманы и монголы – кераиты, были христианами, в основном-не христианами. К их числу, кстати, относилось немало потомков Чингисхана и помимо Сартака – тот же Хулагу. Для них вообще принятие православия – нечто почти обыденное.

Что же до ислама, то он в качестве государственной религии был введен в Золотой Орде лишь при хане Узбеке, примерно со второго десятилетия XVI века. Однако, в рассматриваемом историческом сценарии задолго до этого времени практически все пришельцы уже приняли христианство, пусть эта христианизация и не столь глубока.

Из истории известны множество представителей ордынской знати, без каких бы то ни было затруднений крестившихся. Таков был, например, Чет-мурза – предок Бориса Годунова и еще полудюжины знатных фамилий; предки Юсуповых, Аксаковых и еще множества родов.

Конечно, новокрещенные монголы и прочие завоеватели далеко не сразу становятся ревностными христианами. Имеет место и двоеверие – поклонение, наряду с Иисусом, и старым богам, и чисто внешнее крещение: просто чтобы угодить хану. Вельможи-степняки и их ближайшие потомки продолжают следовать множеству старых обычаев, почти официально содержат гаремы, и не слишком усердно посещают церкви.

И еще долго, помолившись в церкви, монгол отправляется домой, к своим женам, при этом не забывая плеснуть кумысу идолу Сульде.

Но главного уже не изменить – завоеватели легко и без сопротивления обращены в новую веру. Да и вряд ли все бы они поняли, в чем тут особые изменения? Новокрещенные монголы и представители иных степных народов, продолжили бы возносить на родном языке молитвы Тэнгри-Хану (Владыке Неба), добавляя при этом славословия «сыну его – Исе».

Прошло бы немало времени, прежде чем истинная религиозность укоренилась бы в их среде.

Принятие наследниками Батыя православия радикально и окончательно меняет ситуацию. Теперь они уже не захватчики, опирающиеся на грубую силу, но христианские государи, которым надлежит со смирением повиноваться.

На их стороне всецело выступает православное духовенство, которым руководит отнюдь не одно только корыстное стремление выслужиться перед властью, хотя и оно тоже. Тем более, что монголы, как и в нашей истории, с самого начала покровительствуют церкви, запрещая под страхом смерти чинить обиды священнослужителям и монахам и освобождая церковное имущество от обязательной десятины. (116,426) Но не менее важно и вполне искреннее стремление распространить истинную веру среди язычников.

В церквях возглашается «многая лета» «царю русскому» – «Сартаку Батыевичу» с чадами и домочадцами.

Тут же вспоминаются подошедшие к случаю греческие наставления относительно обязанностей подданных, призывающие «царя чтить», и тому подобное.

Дело еще и в том, что монгольское завоевание пришлось на период, когда в мировоззрении русских людей образовалось своего рода «пустое место», на месте «царства» – мировой державы, во главе с правителем высшего ранга «царем», чей авторитет был бы непререкаем, а статус – заметно выше княжеского (и королевского).

Прежде это место было прочно занято «Вторым Римом» – Византией и константинопольским базилиевсом. Но в 1204 году крестоносцы захватили Константинополь, разгромив Византию (что было воспринято на Руси как «погибель царства»).

Даже в реальности сюзеренитет языческо – мусульманской Орды имел в глазах многих русских некое подобие легитимности – ее правитель носил заметно более высокий титул, чем любой из претендентов на власть над русскими землями. Тем более укрепляется подобное положение в случае принятия монголами православия.(42,29)

Что интересно – будучи в принципе не слишком озабочены вопросами религии, монгольские цари позволяют своим подданным исповедовать любую веру. Вместе с православными, на Руси можно увидеть храмы языческие – у народов Поволжья – черемисов, мордвы, вотяков, жителей пермских земель и аланов. Немало жителей исповедует ислам – в той же Волжской Булгарии (не говоря уже об уроженцах Хорезма). Наконец, кое-где легализуются, если можно так выразиться, капища славянских богов, искорененные еще Владимиром. Ведь последние селения русских язычников – кокшарей, живших в Двинской пятине, были уничтожены в XIV веке, во время присоединения Новгорода. (6,89)

Вряд ли такое положение продлилось очень долго – с течением времени новые поколения царей монгольской династии, отчасти под влиянием православного духовенства, отчасти следуя извечному принципу-«чья власть – того и вера».

Но на какое-то время на русских землях устанавливается религиозный плюрализм и свобода совести.

Подведем промежуточный итог. Результатом вышеизложенного сценария стало бы то, что уже к концу XIII – началу XIV веков «Улус Джучи», так и не успевший скорее всего, получить знакомое на название – Золотая Орда, (или, как его именовали сами хозяева – Белая орда) исчезает. * На его месте, сначала по сути, а потом и по названию возникает новая Русь – Русь Чингизидов, если угодно – «Великая Моголия».

«Рождается татаро-славянская держава, охватывающая действительно почти всю Русь». (10,489)

Стал бы столицей этой новой Руси уже знакомый нам Сарай-Бату на Волге (но уже не на Нижней, а на Верхней)? Или Бахчи-Сарай в благословенном Крыму? Или и в самом деле какой-нибудь Сарай-на-Днепре? А может, этой столицей через какое-то время оказался бы один из старинных русских городов – Владимир, Чернигов, Киев, Львов? Или какой – то из городов бывшей Волжской Булгарии?

Это не столь важно. В конце концов, столица Золотой Орды и в нашей истории меняла свое местоположение трижды.

Во всяком случае, именно русские земли становятся центральным регионом огромного государства, включавшего в себя едва ли не четверть Евразии; именно в них располагается его столица. И государство это, из непрочного военно-феодального образования, управляемого паразитической верхушкой, год от года все более развращавшейся и вырождающейся, становится чем-то иным, и в немалой степени-в результате действия «русского фактора».

И только при подобном развитии событий, историки будущего XX века получили бы хоть какие-то основания говорить о некоем русско-монгольском симбиозе.

Конечно, далеко не сразу и не для всех русских людей (да и нерусских подданных бывшей орды) новые властители стали бы, условно говоря, «своими». Да и они сами вряд ли так уж сразу стали бы ощущать себя таковыми.

Но уже спустя сто – сто пятьдесят лет максимум, монгольская знать окончательно ассимилируется, усвоив русский язык и русские обычаи – как это происходило почти всегда с варварами, покорившими более цивилизованный народ. Многочисленные потомки русских жен и наложниц завоевателей, уже в первом поколении чувствуют себя в большей степени русскими, нежели монголами. Через какое-то исторически недолгое время, от степного прошлого остаются, сотня-другая слов, вошедших в русский язык, некоторые предметы одежды, * может быть еще какие-нибудь титулы и звания-не более (например, страна делилась бы не на уезды и волости, а на улусы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.